Григорий Неделько

Сандерстрак – горец времён ЭТС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Будущее, Эпоха Технологической Сингулярности, планеты, перемещающиеся по произвольным орбитам, движимые рукой гомо сапиенса, кибернетически изменённое, апдейтнутое, перерождённое человечество и всякая такая фигня. А в центре – тайна одного из «людей», непонятного старика. Пока музыка играет, попробуем-ка найти разгадку…

- Григорий Неделько
  - ○

Григорий Неделько
Сандерстрак – горец времён ЭТС

Старик приволакивал правую ногу. Когда-то пышный хвост устало тащился за хозяином. Старомодная куртка «привет береговой охране» не снималась на протяжении рабочего дня. Лениво крутилась лысая голова-головешка, на которой словно бы кто-то в насмешку оставил пару волосинок, торчащих, как усы на заграждении для танков. Работал без остановки огромный имплантант, заменявший бóльшую часть мозга. Глаза смотрели-считывали, нос распознавал-обонял, кожа ощущала – вступала в контакт с окружающей обстановкой.

Постоянно что-то ворча под нос, возможно, повторяя одну и ту же мантру, которая должна была облегчить жизнь, но в итоге превращалась лишь в набор ничего не значащих слов, старик продвигался вперёд. Задевая стулья неуклюжим несуразным телом, плечами – сотрудников, потолок – головой. Рост – три метра без малого. С таким не побегаешь. Хотя смотрится устрашающе, невзирая на то, что суть давно подгнила. Потому органы – как внешние, так и внутренние – пришлось заменять или усовершенствовать при помощи современных технологий.

Сотрудники энергоцентра погрязли в расчётах и вычислениях. Если не знаешь, сколько быстро разрастающемуся и развивающемуся государству понадобится на следующий день энергии, то ставишь под вопрос существование самого государства. Особенно когда речь об ЭТС – Эпохе Технологической Сингулярности. Её, не мудрствуя лукаво, так и назвали. Предсказанное учёными воплотилось в действительность, и вот, спустя века после предречения, люди уже не могли отделить себя от проводов, провода – от линий электропередач, спеленавших города, которые – и города, и линии, – в свою очередь, были частью техногенного сверхсущества, зовущегося планетой, космическим шаром, пропатченным, апдейтнутым, модернизированным. Зарытые под землю биоимплантанты соприкасались с органическими соединениями, и этот контакт рождал иной род жизнедеятельности, превращал планету в нечто живое до суперчувствительности и техничное до невозможности. Куски наращивались на серо-металлический шар с вкраплениями коричневого, зелёного и синего, орбита сдвигалась, планета перемещалась по космосу свободно и независимо. Регулировалась работа солнца и примыкающих светил, дыр, пульсаров и прочего,

прочего.

Однако это было неважно. Отключившись от питалки, находившейся рядом с рабочим местом, и перейдя в автономный режим, я следовал за стариком. Он мог бы засечь меня одной из десятка встроенных камер, вертевших зрачками туда и сюда, но я предвосхитил это – купил в специализированном магазине защитный костюм, блокирующий любые зрительные «выпады» в мою сторону. Старик думал, что я заболел и, ожидая починки, лежу дома, а я шёл за ним по пятам. Мягко пружиня на рессорах, пробирался туда… куда бы он ни направлялся.

Вот мы покинули здание, и оно осталось позади. На углу жилой кибернетической многоэтажки старик внезапно замер и оглянулся. Я тоже мгновенно встал как вкопанный. Не заметил ли меня начальник? Но нет: тот лишь поводил кругляшками камер и похромал дальше. Я вдруг ощутил, что идти становится с каждым шагом всё сложнее, и сначала даже не понял отчего, но, когда старик перешёл на бег, в изумлении выпучил глаза – снабжённые выдвижными механизмами, они выехали чуть ли не на десяток сантиметров. А тот, кого я преследовал, уже не просто бежал – он взлетал. Изменив конструкцию корпуса-тела, старикашка превратился в подобие автомобиля, исчезнувшего с лица автопрома ещё в прошлой эпохе. Как и сам автопром: теперь производство мобилей входило в обязанности и привычки обычных людей, они создавали новые модели и улучшали прежние, они сами были мобилями. Но *старик*? И *такая* модель? Здесь было что-то не то. Во всём – в его бесконечных необъяснимых пропаданиях под конец рабочей недели, в невероятном долгожительстве (шутка ли, несколько тысяч лет!), в странной, более чем экстравагантной старомодности – абсолютно во всём сквозила какая-то загадка. И мне не терпелось её разгадать.

Мы приземлились возле шпиля высочайшего в городе небоскрёба. Я глянул вниз: земли не рассмотреть. Перевёл взор на старикана – он стоял, подняв глаза к небу, будто ждал чего-то. Кусок небес, зависший над моим шефом, был пустым – ни единого летательного средства в пределах видимости. Может, старик – аэрокурщик? Любит прыгать по бороздящим воздух мобилям. Зацепится за один, промчится на крыше, пока не увидит другой, перепрыгнет… и всё это, рискуя жизнью. А много ли ему надо, в его-то возрасте?

Но правда оказалась отнюдь не такой. Погода – давным-давно изученная, прирученная погода – вдруг начала портиться. Я заметил яркое свечение, исходившее от макушки старика. Да он же… управляет стихией! И не только ей: ещё и мобилями,

и наверняка людьми – не даёт им возможности пролететь здесь. Для чего же ему это нужно? Что он задумал?

Босс достал наушники – господи, наушники! Да кто ими сейчас пользуется, когда у всех есть вмонтированные плееры? – воткнул в уши блины и врубил на полную громкость музыку. Я почувствовал это сенсорами и поймал антеннами. Слушал он не известную мне группу. Гитары ревели – я насчитал две, если без учёта громыхающего баса, – барабаны отстукивали чёткий ритм, а вокалист заходился в хриплом фальцете. Никогда мне не доводилось слышать ничего подобного. Солист орал так, точно эта песня – последняя в его жизни, и инструменты играли в сходном стиле. Получалось гармонично, но жутко нестандартно. Эффект ошарашивал, бил по мозгам.

И когда вокалист то ли выкрикнул, то ли спел на древнем диалекте полузабытого английского языка: You've been… thunderstruck! – из ниоткуда появилась здоровущая тёмная туча с круглым пузом. Пузо разошлось, обрушив на нас неописуемый по силе ливень. Хорошо, что имплантанты были защищены от воды: самые дешёвые – благодаря упаковке, более дорогие – при помощи системы испарения влаги.

Я не был готов к тому, что случилось дальше. Старик заорал, бешено, неистово, наверное, задействовав все свои резервы:

– Док, ну зачем, зачем ты провёл этот чёртов эксперимент? В чём был виноват Эйнштейн? А я? И какого хрена ты встроил в нас ещё и «делориан»?! Я не хочу оставаться один! – А потом мой начальник произнёс фразу, совершенно для меня непонятную: – Вовеки веков будь прокляты слова «назад в будущее»!

И грянул гром. Из тучи, цвет которой сгустился до глубинно-чёрного, выстрелила, устремившись к старику, ослепительная гнутая полоска. Ударила прямо в его головной имплантант. У меня всё взорвалось перед глазами. Кажется, где-то закоротило. Но до того как потерять сознание, я подумал, что такой способ подзарядки и существования вовсе не самый худший. С другой стороны… Впрочем, об этом – в следующей эпохе.

(Октябрь 2012 года)